

"С ЧИСТО РУССКОЙ АККУРАТНОСТЬЮ..."
(к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке)

В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина
(Москва)

"WITH A PURELY RUSSIAN NEATNESS..."
(on the Linguistic Reflection of Some Stereotypes)

V. A. PLUNGYAN, E. V. RAKHILINA
(Moscow)

Джон хочет жениться на какой-нибудь иностранке.
Джону удалось-таки жениться на француженке.
Иван отрицает, что женился на француженке.

Е. В. Падучева¹.

1. Вводные замечания

Настоящие заметки задуманы как часть более обширного исследования, касающегося проявления различного рода стереотипов в языке². В данном случае речь пойдет в первую очередь о национально-географических стереотипах (и, в связи с ними, также о некоторых других), то есть о том, каким образом в русском языке отражается "наивная мифология", описывающая свойства и особенности различных наций (в том числе и своей собственной).

Национальные стереотипы — тема весьма сложная и запутанная, можно даже сказать — болезненная (некоторые авторы вовсе отрицают их существование, другие, напротив, склонны придавать им слишком большое значение), и поэтому мы хотели бы сразу предупредить читателя, что наше исследование никоим образом не является ни философским, ни психологическим, ни этнографическим, ни социологическим — оно вообще не имеет отношения к "этнической реальности" как таковой, а описывает лишь "языковую реальность", то есть, грубо

¹Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985, с. 94, 100.

²Настоящая работа частично финансировалась грантом Research Support Scheme Института открытого общества (Прага).

V.A.Plungyan, E.V.Rakhilina, "With a purely Russian..." MLJ 2(1995):340-351

говоря, особенности языкового поведения (прежде всего, сочетаемости) определенной семантической группы слов.

Для анализа были выбраны существительные, обозначающие различные человеческие качества, и прилагательные, обозначающие национальную или географическую принадлежность (типа: *французский, европейский, южный* — см. подробнее ниже). Далее исследовалась сочетаемость получающихся таким образом определительных синтагм.

Нас интересовала не степень правильности словосочетания как такового (можно ли, например, сказать: *европейская нежность*, и если да, то что это будет значить), а то, что мы бы назвали **лингвистической отмеченностью** сочетания. А именно, определительная синтагма вида *Adj(SI) + S2* [где *Adj(SI)* — относительное прилагательное, образованное от существительного *SI*] признается лингвистически отмеченной, если она может обозначать некоторую **стандартную** (лексикографически закрепленную) **модификацию** качества *S2* и / или **максимальную степень** проявления этого качества (по модели: '*S2*, такое, какое <обычно> приписывается *SI*'). Синтаксически такие сочетания (в отличие от лингвистически неотмеченных) часто могут распространяться словами *тиично, чисто, истинно, подлинно, настоящий* и под..

Ср.: (*тиично*) *немецкая аккуратность* (= 'выдающаяся аккуратность особого типа — такая, какая <обычно> приписывается немцам'), (*чисто*) *французская галантность*, и т.д., и т.п. В силу сказанного, сочетания *немецкая аккуратность* и *французская галантность* являются лингвистически отмеченными (в русском языке они обозначают, в числе прочего, максимальную степень аккуратности и галантности), а, например, сочетание *испанская аккуратность* (или уже упоминавшееся *европейская нежность*) таковым не является: если даже указанный вид аккуратности (resp., нежности) и существует, он не является стандартизованным языковым обозначением максимального проявления этого качества, не является, так сказать, "эталонным".

В связи с этим необходимо сделать одно важное замечание. Ни наличие, ни отсутствие лингвистической отмеченности аргота, само по себе, никак не связано с реальностью / распространенностью / типичностью данного качества у данной группы людей; лингвистическая отмеченность — следствие весьма прихотливой языковой воли, подчиняющейся своим собственным законам. Возьмем один из самых тривиальных примеров. Хорошо известно, что многие наблюдатели были склонны отмечать терпеливость русского народа, и как будто не существует априорных оснований им возражать (если только не

подвергать сомнению правомерность самого понятия "народ" как психологической общности, но это совсем другая — по крайней мере, не лингвистическая — проблема). Тем не менее, сочетание *русская терпеливость* лингвистически не отмечено: оно не обозначает ни особой, ни ярко выраженной, ни максимальной терпеливости. Иными словами, русский народ, может быть, и терпелив, но, с точки зрения русского языка, он терпелив "обычной" терпеливостью, а не эталонной "чисто русской". (Ср. несомненную лингвистическую отмеченность *русской широты* или *русской удали*). Точно так же, многие мужчины суровы; а многие женщиныстыдливы, но в языке не засвидетельствована ни особая *"чисто мужская суровость*, ни особая *"чисто женская стыдливость*: эти сочетания лингвистически не отмечены. (Такого рода факты являются дополнительным аргументом в пользу того, чтобы не впасть в соблазн считать нашу работу своего рода философским эссе на тему о "народной душе".)

В ходе исследования лингвистической отмеченности "национальных" качеств обнаружились две любопытные закономерности, которые во многом повлияли на наш подход к материалу и постановку задачи.

Во-первых, лингвистически релевантными являются названия далеко не всех народов, окружающих русских: лингвистически отмеченные сочетания возможны прежде всего со словами *русский*, *французский*, *немецкий*, а также *восточный* и *южный* (о более конкретной интерпретации двух последних понятий на "лингвистической карте" см. ниже). Кроме того, небольшое число лингвистически отмеченных сочетаний (впрочем, достаточно бесспорных) засвидетельствовано для слов *английский*, *американский*, *испанский*, *европейский*, *азиатский* и *славянский*. Таким образом, видно, что наш список не является чисто этническим: он скорее этно-географический, и такое определение лучше отражает специфику устройства этого фрагмента наивной картины мира. Обращает внимание также неоднородность этого списка: в Европе по понятным причинам выделяются французы и немцы (в меньшей степени отмечены испанцы и англичане), но полностью отсутствуют, например, итальянцы, греки или голландцы (напомним, что последние, например, занимают значительное место в языковом сознании носителей английского языка). С другой стороны, никак не дифференцирован славянский мир (если оставить в стороне единственный, и то несколько сомнительный, пример *"чисто польский гонор"*); из ближайших соседей любопытно также отсутствие цыган, татар и китайцев (при том, что названия этих трех народов достаточно заметно представлены в русской идиоматике в целом, сочетаний интересующего нас типа они не образуют — возможно, это связано

с тем, что данные ареалы уже обслуживают "неиндивидуализированные" лексемы *южный*, *восточный* и *азиатский*).

Во-вторых, сочетаемость этно-географических прилагательных с названиями качеств обнаруживает очень интересные и, с нашей точки зрения, не случайные аналогии с сочетаемостью прилагательных *провинциальный* и *столичный*, с одной стороны, и прилагательных *детский*, *мужской* и *женский* — с другой. Поэтому сопоставлению сочетаемостных свойств всех этих групп лексем ниже посвящены специальные разделы³.

2. Русские, французы и немцы

Как представляется, именно эти три народа воплощают в наивном языковом сознании представления о полюсах этнического происхождения, о максимально далеких эмпирических реализациях этно-психологического разнообразия (ср.: *Что русским здорово, то немцу смерть*). Французы и немцы — единственные "лингвистические иностранцы" с ярко выраженной индивидуальностью, полностью несходные ни друг с другом, ни с русскими в том чрезвычайно своеобразном виде, в котором эти последние сами отражаются в своем языке. Удивительным образом, при этом не обнаруживается **ни одного** лингвистически отмеченного качества, которое было бы общим хотя бы у каких-нибудь двух из этой тройки народов.

Каковы лингвистически отмеченные русские качества? Это, прежде всего, *удаль*, *широта* и *прямота*; *сметка* и *смекалка*; *гостеприимство* (*хлебосольство*), *(за)душевность* и *щедрость*; но также *беспечность*, *бесхозяйственность*, *расхлябанность*, *лень* и *барство* и даже *хамство*, *свинство*, *дикость* и *варварство* (менее бесспорны такие качества, как *духовность* и *загадочность*). Как видим, сочета-

³Почти все приведенные выше рассуждения касались специфики этно-географических прилагательных в составе лингвистически отмеченных сочетаний. Между тем, определенная специфика есть и у существительных — названий человеческих качеств: далеко не все они могут входить в состав таких сочетаний. Не допускаются, в частности, названия со слишком сильно выраженным оценочным компонентом ("очень хорошие", "очень плохие", или же, например, "очень странные" качества), такие как, например, *святость*, *героизм*, *скопидомство*, *обжорство*, *карьеризм*, *вульгарность*, *скоморошество*: как представляется, такого рода характеристики имеют все-таки более индивидуальную, чем массовую сферу применения. О некоторых отклонениях от этого правила см. ниже.

ние достаточно противоречивое (что само по себе весьма характерно), однако в этом объединении есть определенная логика. Во-первых, большинство из этих качеств "эндемично": так, по крайней мере слова *удаль, сметка, смекалка, хлебосольство, задушевность, бесхозяйственность, расхлябанность, хамство* крайне трудно поддаются переводу на иностранные языки; кажется, что некоторые из них так и существуют в языке совместно с эпитетом *русский*. При этом их ближайшие смысловые эквиваленты, если они оказываются лингвистически отмеченными, попадают совсем в другие зоны притяжения: так, *грубость* (в отличие от *хамства*) — качество скорее мужское, чем национально-географическое; мужскими (либо женскими) являются также *непрактичность* (в отличие от *бесхозяйственности*) и ум (в отличие от *смекалки*); специфически женской является *проницательность*, тогда как *мудрость* — *восточной*.

Во-вторых, почти все эти качества обозначают некоторые **крайние проявления** (как положительные, так и отрицательные); такие слова, как *широкота* или *удаль* практически одну только эту идею крайности и выражают. Можно также сказать, что лингвистическим инвариантом всех (или почти всех) "русских" качеств является **отсутствие ограничителей или сдерживающих тенденций**, своего рода "*центробежность*", отталкивание от середины: это и есть то единственное, что объединяет *щедрость* и *расхлябанность*, *хлебосольство* и *удаль*, *свинство* и *задушевность*. Русские охотно признают у себя самые разные недостатки, важно только, чтобы это были "выдающиеся" недостатки, связанные так или иначе с идеей чрезмерности / безудержности. Таким образом, становится понятным, почему *аккуратность*, *практичность* или *размеренность* могут быть с точки зрения семантической сочетаемости чьими угодно качествами, но только не русскими.

...В частности, они могут быть качествами немецкими, и здесь вступает в силу в некотором смысле противоположный инвариант. "Образ немца" в русском языке чрезвычайно тесно связан с идеей взвешенности, продуманности, целесообразности — своего рода психологической "золотой середины", которая, впрочем, может представляться и как ограниченность⁴. В этом смысле можно утверждать, что

⁴ — Игра занимает меня сильно, — сказал Германн, — но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее.

— Германн немец: он расчетлив, вот и все, — заметил Томский. — А если кто для меня непонятен, так это моя бабушка графиня Анна Федотовна. (А. Пушкин, "Пиковая дама").

"немецкие" сочетаемостные свойства — антиподы соответствующих русских.

"Типично немецкими" в русском языке признаются: с одной стороны, *организованность*, *упорядоченность*, *размеренность*, *серьезность*, *основательность*, *аккуратность*, *щадительность*, *дотошность*, *добротность*, *честность*, *бережливость*, *экономность*, *хозяйственность*, *деловитость*, *практичность*; с другой стороны — *педантичность*, *рассудочность*, *расчетливость*, *ограниченность*, а также более маргинальные *флегматичность*, *тяжеловесность* и *сентиментальность*. Иными словами, это список превосходных деловых качеств, сопровождаемых, однако, некоторой, если можно так выразиться, эмоциональной недостаточностью.

"Образ француза" кардинально отличается от двух предыдущих: в сочетаемостном списке нет ни русской *широкоты*, ни немецкой *организованности*. Зато в изобилии встречаются качества, инвариант которых можно определить как "тонкость"; свойство это имеет две грани и может проявляться либо как эмоциональная и культурная утонченность, "цивилизованность" (впрочем, прежде всего — во внешних проявлениях, в "форме": в частности, в словах, в одежде, в поведении), либо как некоторая хрупкость, переходящая в легковесность, как отсутствие "фундамента". "Типично французские" качества столь же далеки от русских, сколь и немецкие, но по сравнению с немецкими им свойственна, помимо всего прочего, некоторая "экзотичность": они имеют тенденцию описывать "яркие" свойства, которые так или иначе поражают слух или зрение наблюдателя.

С точки зрения сочетаемости, французскими бывают, с одной стороны, *тонкость*, *утонченность*, *грациозность*, *изящество*, *изысканность*, даже *пикантность*, а также *любезность* и *галантность*, но, с другой стороны, *жеманность*, *кокетливость*, *легковесность*, *ветреность* и даже *испорченность*, которые, впрочем, искупают *игривость* и *живость*. В целом эта группа характеристик достаточно однородна (даже более однородна, чем "немецкие"); "скользжения" внутри нее определяются в основном колебаниями в этической оценке говорящим близких разновидностей одного и того же, по сути, свойства (ср. *живость* и *ветреность*, *грациозность* и *жеманность*, *тонкость* и *легковесность*, и т. п.).

3. Другие народы

Как уже было сказано, другие народы представлены на наивной лингвистической карте далеко не столь рельефно; тем не менее, су-

шествует небольшое количество лингвистически отмеченных сочетаний со словами *английский*, *испанский* и *американский*, а также *европейский* и *славянский*; последние два апеллируют не столько к национальной, сколько к культурной общности. Любопытно, что сочетаемость прилагательных *славянский* и *русский* почти не совпадает: *славянскими*, в отличие от *русских*, могут быть *мягкость* и *доброта*, а общими "*русско-славянскими*" являются *загадочность*, *гостеприимство* и *(за)душевность*; этими душевно-мягкими свойствами славянский комплекс и исчерпывается. Тем самым, славянам в целом не приписывается русской безудержности и любви к крайностям: они оказываются лишены как русских недостатков, так и русских *удали* / *прямоты* / *широкоты* вкупе со *смекалкой*.

"Чисто английских" качеств с несомненностью можно выделить два: *холодность* и *чопорность* (первое при этом можно считать и семантической доминантой "английского комплекса"). К ним примыкает более маргинальная *корректность* (ср. семантически близкие, но культурно противопоставленные *восточную учтивость* и *французскую галантность*). Помимо этого, существуют общие англо-немецкие *рассудочность* и *практичность*. Последнее качество может приписываться и американцам, однако несравненно более характерным для "американского комплекса" является *прагматичность*, к которой примыкают *деловитость*, *предприимчивость* и *динамичность*: это фактически сильно обедненный вариант "немецкого комплекса", но с важным дополнительным компонентом "*активности*".

Любопытны сочетаемостные характеристики прилагательного *европейский*: исключительно европейскими (так сказать, наднациональными) качествами оказываются *воспитанность*, *образованность* и *просвещенность*, а также, возможно, *рациональность*; *рассудочность* объединяет европейцев с англичанами и немцами, а *тонкость*, *утонченность* и *изысканность* — с французами, которые, тем самым, оказываются европейцами в наибольшей степени.

О сочетаемости прилагательного *испанский* см. в следующем разделе.

Замечание. Говоря о лингвистической релевантности тех или иных национальных характеристик, полезно хотя бы бегло затронуть факты совсем другого порядка, относящиеся к словообразованию, а не к синтаксису. Мы

⁵Это, прежде всего, *французик* / *французишка*, *итальянка*, *япошка* и нек. др., абсолютно невозможные для других основ, ср. *испанчик или *англичашка.

имеем в виду образование диминутивов с сильным пейоративным значением, отличающееся очень большой избирательностью⁵, а также еще более редкие собирательные наименования, также с пейоративным оттенком⁶.

Любопытно, что диминутивы, образованные от имен национальностей женского рода, полностью лишены пейоративного компонента⁷ и представлены гораздо более массово, ср. имена типа *немочка*, *цыганочка*, *японочка*, *украиночка* и т.д.; ограничения здесь, как представляется, носят скорее морфонологический характер⁸.

4. Европа и Азия; Восток и Юг

Прилагательные *восточный*, *азиатский* и *южный* вынуждают нас перейти от чисто национального деления к географическому; между первым и вторым, однако, существуют нетривиальные корреляции.

Наиболее важен в лингвистическом плане обширный "восточный комплекс", с которым связывается общая идея сочетания притягательной и совершенной **формы** с непонятным и опасным **содержанием**. Тем самым, лингвистически отмеченными оказываются, с одной стороны, восточные *пышность*, *великолепие*, *роскошь*; *тонкость*, *утонченность*, *изысканность*, *грация*; *вежливость*, *учти-*

⁶Это, по-видимому, только слова *немчура* и *татарва*, причем последнее обладает коннотациями, связывающими его скорее с эпохой Золотой Орды, ср.:

*И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я, непризнанный брат, отщепенец в народной семье,
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.*

(О. Мандельштам)

⁷Даже в случае некоторой пейоративности самой основы, ср.:
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанки Байрона милей.

(А. Пушкин, *К Баратынскому*)

⁸В частности, не допускают диминутивов основы на -и, -и, -ж (ср. *чешка*, *словачка*, *полячка*); невозможность диминутива от *француженка* тоже, скорее всего, объясняется формальными причинами. Вместе с тем, для русской морфонологии это запрет далеко не абсолютный, ср. многочисленные пары типа *кошка* ~ *кошечка*, *кружка* ~ *кружечка*, *кочка* ~ *кочечка* и др.

вость, любезность, гостеприимство, церемонность, неторопливость, а также мудрость, духовность и загадочность, но, с другой стороны, хитрость, коварство, лукавство; лень, сибаритство; наконец, дикость, жестокость и фанатизм. Среди "внешних" качеств преобладают положительные, среди "внутренних" — отрицательные (это отнюдь не совпадает с принципом распределения отрицательных качеств в "русском комплексе", несмотря на то, что некоторые из них — например, лень — являются у них общими).

По сравнению с "восточным комплексом" "азиатский комплекс" представляется его односторонне отрицательным и при этом ухудшенным вариантом: если "восточные" качества вызывают неоднозначное отношение (и среди них встречаются, например, мудрость и загадочность), то набор "азиатских" качеств однозначно негативный: это дикость (азиатская доминанта), варварство, косность, жестокость, фанатичность, хитрость, вероломство (ср. слово азиатчина, воплощающее приблизительно тот же набор представлений). Можно сказать, что русские зачарованы опасным притяжением "загадочного Востока", но всеми силами стремятся дистанцироваться от "дикой Азии".

Так же, как Азия воспроизводит в обедненном виде внутреннюю суть Востока, Юг воспроизводит в обедненном виде его внешнюю сторону. Южный инвариант — яркость; лингвистически отмеченные "южные" качества выделяются прежде всего своим внешним проявлением. Это горячность, пылкость, порывистость, страсть, темпераментность, колоритность; очень периферийны романтичность и гостеприимство.

Специфически "южной" нацией оказываются только испанцы (что резко противопоставляет их французам): лингвистически отмечены испанские горячность, страсть и темпераментность (возможно, также пылкость и романтичность). Кроме этого, правда, испанцы обладают такими восточными чертами, как фанатичность и загадочность.

В свою очередь, "восточные" черты распределены более прихотливо. Их немало у русских — как "положительных" (гостеприимство, духовность, загадочность), так и "отрицательных" (дикость и лень⁹), но они удивительным образом присутствуют у французов и даже у

⁹Заметим, впрочем, что русская лень и восточная лень — явным образом разные виды лени; если первая сродни беспечности и бесхозяйственности, то вторая — сибаритству и неге, то есть является не простым нежеланием делать что-либо, а скорее, сознательным желанием ничего

европейцев: это тонкость, утонченность, изысканность; грация, изящество. Впрочем, здесь, как и в случае с ленью, имеется определенное внутреннее различие между "цивилизованной" европейско-французской тонкостью и "коварной" тонкостью Востока. Целиком вне "восточного комплекса" находятся только германские народы: немцы, англичане и американцы.

5. Провинция и столица

Так же, как среди народов есть восточные и южные, среди них обнаруживаются провинциалы и столичные жители. Набор "столичных" свойств отражает совершенство формы при внутренней пустоте (равной выхолощенности, бессодержательности или даже испорченности: это вполне толстовский взгляд на столичную жизнь). Первая часть этого инварианта сближает столицу с Европой, Францией и Востоком, вторая — отчасти с той же Францией; ср. такие лингвистически отмеченные столичные качества, как пышность, тонкость, утонченность, изысканность, пикантность, галантность, а также ветреность, капризность, пресыщенность, испорченность. Таким образом, возникает сильная эквивалентность между столицей и Францией-Европой: и преимущества, и слабости французов есть преимущества и слабости (культурной) столицы, противопоставляющие ее более косной, но и более нравственной провинции.

Есть еще одна бесспорно столичная нация — англичане: два эталонных английских качества — холодность и чопорность — оказываются одновременно и столичными; это другая ипостась столицы, но вполне вписывающаяся в логику столичных изъянов.

В свою очередь, немцы удивительным образом оказываются волею языка безнадежно провинциальной нацией: почти все эталонные немецкие качества являются одновременно провинциальными, и наоборот: солидность, серьезность, основательность, добротность, честность, чинность, флегматичность, тяжеловесность, даже сентиментальность и ограниченность. Правда, здесь имеются две важных группы исключений. С одной стороны, такие немецкие качества, как аккуратность, организованность, рассудочность, деловитость, хозяйственность и под. не имеют "провинциальных" аналогов (дело здесь, по-видимому, в том, что провинция все-таки имеется в виду по преимуществу русская); с другой стороны, и провинци-

не делать, специальным времяпровождением, "занятием", своего рода *dolce far niente*.

альные любопытство, непосредственность, неопытность, наивность, застенчивость, узость не имеют национальных коррелятов.

Справедливости ради следует признать, что отдельные "провинциальные" черты все же проявляются и в других национально-географических зонах: это азиатские дикость (также русская) и косность, французские (!) жеманность и галантность, английская чопорность, восточная учтивость, южно-испанская романтичность. Совпадения эти любопытны, но не носят столь массового характера. К тому же, как и в ряде предыдущих случаев, за формальной идентичностью здесь могут скрываться внутренние различия: например, изысканная французская галантность и благородная английская чопорность — совсем не то же самое, что неуклюжие провинциальная галантность и провинциальная чопорность...

6. Мужчины, женщины и дети

Существование "мужской" или "женской" доминанты в национальном характере — проблема, давно занимавшая философов; впрочем, лингвистические данные (вкупе с сочетаемостными свойствами прилагательного *детский*) и в этом случае оказываются достаточно парадоксальными.

В наименьшей степени национально окрашен набор "детских" черт, которые в целом замечательным образом очень близки к "провинциальному комплексу": это детские любопытство, непосредственность, неопытность, наивность, а также не пересекающиеся ни с кем любознательность и восприимчивость. Есть только одна нация, которая обнаруживает детские свойства: это французы с их игривостью (впрочем, не вполне детской) и живостью. Отметим также, что серьезность, напротив, бывает не только немецкой и провинциальной, но и недетской.

Лингвистически отмеченные "мужские" качества (и сами по себе немногочисленные) также не имеют четко выраженной национальной ориентации: с русскими мужчин сближает прямота, с немцами — основательность, рассудочность и ограниченность, с англичанами и европейцами в целом — та же рассудочность. Специально мужскими свойствами остаются твердость и грубость, а также эгоизм, непрактичность и ум; но последние три равным образом могут быть и женскими. Вряд ли имеет смысл специально доказывать, что женский ум — это отнюдь не то же, что мужской ум, а женская непрактичность не имеет ничего общего с мужской непрактичностью.

Пересечение "женских" и "национальных" качеств более обширно. Бесспорный лидер по числу женских черт, конечно, французы: это, во-первых, кокетливость, ветреность, а также общие с Востоком

тонкость, грациозность и изящество (напомним, что тонкость — это также качество европейское и столичное). Восточные параллели продолжают лукавство, хитрость и коварство женщин. Отметим также русскую и женскую беспечность, южную и женскую эмоциональность, и, наконец, русско-славянско-восточно-испанскую женскую загадочность.

Конечно, у женщин есть немало и "вненациональных" свойств: это, во-первых, любопытство (которое бывает также детское и провинциальное), легкомыслие, непостоянство, непоследовательность, слабость и несущие более выраженную отрицательную оценку (что, как мы видели, в целом для национальных свойств не характерно) капризность, болтливость, упрямство, дурость, вздорность, но, с другой стороны, обаяние и проницательность.

Таким образом, женщина предстает в языке как существо одновременно по-французски тонкое (воплощая разные грани этого понятия), по-восточному притягательно-опасное и по-русски неконтролируемое (с некоторым сдвигом от стихийной русской бесшабашности в сторону упрямства / вздорности¹⁰)...

1992 г.

¹⁰Здесь любопытно сравнить сочетаемые свойства прилагательных *женский* и *бабий*: баба оказывается ухудшенным и опрошенным вариантом женщины, обладая лишь болтливостью, вздорностью, дуростью и сверх того еще плаксивостью (правда, дополняемой жалостливостью). Ср. также противопоставление *настоящая женщина* ~ *настоящая баба* (последнее однозначно пейоративно и может, кроме того, с одинаковым успехом относиться как к женщине, так и к мужчине). Характерный пример использования всех этих коннотаций дает следующий текст:

В жизни Стриндберга было время, когда все женское вокруг него оказалось "бабьим"; тогда во имя ненависти к бабьему он проклял и женское; но он никогда не произнес кощунственного слова и не посягнул на женственное; он отвернулся от женского только, показав тем самым, что он не заурядный мужчина, так же легко "ненавидящий женщин", как подпадающий расслабляющему бабьему влиянию, а мужественный человек, предпочитающий оставаться наедине со своей жестокой судьбой, когда в мире не встречается настоящей женщины, которую только и способна принять честная и строгая душа. (А.Блок, "Памяти Августа Стриндберга").